

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А.П. Казун

к.с.н., старший научный сотрудник, Международный центр изучения институтов и развития НИУ ВШЭ (Москва)

А.А. Яковлев

к.э.н., ординарный профессор, директор Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ (Москва)

КАК УЧАСТИЕ ВРАЧЕЙ, СВЯЩЕННИКОВ И АКТЕРОВ ВЛИЯЕТ НА ОТНОШЕНИЕ ГРАЖДАН К АКЦИЯМ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА¹

Аннотация. В 2019 г. в Москве и крупных городах России прошла волна общественных акций в защиту прав человека, отличительной особенностью которой стало активное участие различных профессиональных групп — врачей, артистов, священников, журналистов и пр. В настоящем исследовании мы делаем обзор ряда резонансных примеров коллективных действий профессионалов за последние три года и ищем ответ на вопрос о том, какие профессиональные группы своей вовлеченностью в массовые акции могут повлиять на отношение к ним обычных граждан. Для ответа на этот вопрос в декабре 2019 г. был проведен эксперимент в рамках ежемесячного опроса Левада-Центра, репрезентативного для взрослого населения России. Результаты исследования показывают, что упоминание в вопросе врачей значительно улучшает отношение граждан к общественным акциям по сравнению с контрольной группой, упоминание священников, напротив, дает значимо отрицательный результат, а упоминание актеров и деятелей искусства не имеет эффекта. Объяснение полученных результатов мы связываем с различием в уровне доверия населения к разным профессиональным группам, в частности врачам и учителям доверяют существенно больше, чем представителям других профессий. Данные результаты позволяют лучше понять, почему одни профессиональные группы добивались результатов, другие оказались менее эффективными. Результаты исследования также позволяют зафиксировать в целом высокий потенциал для общественной мобилизации, который фокусируется на негативной повестке федерального значения. С опорой на теорию Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста о порядках ограниченного доступа мы предполагаем, что профессиональные сообщества могут иметь ключевое значение для движения России в сторону более качественных общественных институтов.

Ключевые слова: коллективные действия, профессионалы, мобилизация, защита прав человека, порядок ограниченного доступа.

JEL: K38, K42, P26.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10403.

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100» в 2019 г. Авторы выражают признательность профессору Тимоти Фраю за совместную работу над методологией эксперимента, участие в интерпретации его результатов и комментарии к тексту статьи.

Летом–осенью 2019 г. в Москве и крупных городах России прошла новая волна протестов, которая по масштабу стала крупнейшей после массовых политических протестов 2011–2012 гг. Одной из особенностей этих протестов, по словам директора Левада-Центра Льва Гудкова, стала «цеховая солидарность»²: профессионалы активно вставали на защиту своих коллег, несправедливо подвергшихся уголовному преследованию. Наиболее ярким примером такой акции стало дело Ивана Голунова — независимого журналиста-расследователя, обвиненного в июне 2019 г. в хранении наркотиков и затем полностью оправданного под давлением общественности, включая массовые выступления журналистов³. Но были и другие примеры, имевшие гораздо более скромные результаты. Так, американский инвестор Майкл Калви вместе со своими партнерами по фонду Baring Vostok был арестован в феврале 2019 г., он провел два месяца в СИЗО и, несмотря на публичные протесты РСПП и других бизнес-ассоциаций, по состоянию на осень 2020 г. оставался под домашним арестом⁴.

В настоящем исследовании мы с опорой на теорию о «порядках ограниченного доступа» [North, Wallis, Weingast, 2009] и эмпирические исследования о коллективных действиях профессионалов попытаемся ответить на вопрос: могут ли профессиональные группы своей вовлечённостью в массовые акции влиять на отношение к ним обычных граждан, а это, в свою очередь, с учетом особенностей российской уголовной системы способно склонить чашу весов в пользу справедливого приговора. Поскольку мы видим, что результаты такого привлечения внимания оказываются разными, важно разобраться и в том, почему одни профессиональные группы достигают успеха, а другие — нет. Делая следующий шаг, мы предполагаем, что некоторые профессиональные группы могут не только привлекать внимание к отдельным «громким делам», где нарушались права их представителей, но также способны влиять на общественное мнение относительно акций в защиту прав человека в целом.

Свой анализ в данной статье мы представили в пяти разделах. В теоретическом разделе описывается социально-политический контекст, в котором опыт коллективных действий в России и связывается с соответствующим опытом, представленном в зарубежных исследованиях. Во втором разделе мы проводим краткий обзор основных общественных акций в России последних трёх лет, связанных с активным участием различных профессиональных групп, чтобы сделать выводы о значимых факторах, которые могли влиять на успешность общественной мобилизации. В третьем разделе описывается дизайн опросного эксперимента с оценкой того, как упоминание конкретных профессиональных групп в соответствующем вопросе влияет на отношение респондентов к протестным акциям. В четвёртом разделе приводятся результаты опросного эксперимента. В пятом разделе мы обсуждаем полученные результаты и на основе этих результатов делаем выводы о развитии ситуации в России после завершения пандемии коронавируса.

Роль коллективных действий в «порядках ограниченного доступа»

Дуглас Норт, Джон Уоллис и Барри Вайнгаст подчёркивали, что для любого государства ключевым является вопрос о том, как сохранить порядок и ограничить применение насилия [North, Wallis, Weingast, 2009]. В развитых демократических государствах эту функ-

² Почему в России всё сильнее проявляется «цеховая солидарность»: объясняет директор «Левада-центра» Лев Гудков // Новая газета. 2020 № 18 от 19 февраля [https://novayagazeta.ru/articles/2020/02/18/83986-professionalnyy-protest].

³ См. детальный ретроспективный обзор истории на сайте «Медуза»: [https://meduza.io/feature/2020/06/06/ya-by-dorogo-otdal-chtoby-moya-zhizn-stala-prezhney].

⁴ См. детали этого дела на сайте газеты «Ведомости»: [https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2019/07/01/805522-rspp] и РБК: [https://www.rbc.ru/finances/23/06/2020/5ef1d8c19a7947309151f38e].

цию выполняют общественные институты, но в большинстве стран мира порядок поддерживается через неформальные соглашения между элитными группами о распределении рент, через которые элиты получают компенсации за отказ от применения насилия. Россия по данной классификации попадает в самую многочисленную группу стран, для которых важны именно неформальные соглашения. Такие режимы Норт и его соавторы называют «порядками ограниченного доступа», которые, в свою очередь, противопоставляются немногим странам, сумевшим совершить переход к «порядкам открытого доступа».

Особое внимание данная теория, а также последовавшие за ней эмпирические работы, посвященные отдельным странам (см. например: [Reckendrees, 2015; Яковлев, 2020; Васильев, 2020]), уделяют обстоятельствам и условиям для совершения перехода от «порядков ограниченного доступа» к «порядкам открытого доступа». Такой переход возможен только в том случае, если в стране выполняются определенные пороговые условия: верховенство права для элит, консолидированный контроль над вооруженными силами и бессрочно существующие организации в общественной и частной сферах. К последним можно с определенными оговорками отнести не только само государство, но и крупные профессиональные организации (см., например, работу об анализе юридических организаций России [Kazun, Yakovlev, 2019]). Такие организации важны, поскольку способны, во-первых, осуществлять коллективные действия, направленные на общественные изменения, а во-вторых, могут стать площадкой для переговорного процесса. В этом контексте показателен пример Туниса: там юридические и предпринимательские организации, которые в 2011 г. во время «жасминовой революции» выступили в качестве посредников в процессе демократизации страны, а в 2015 г. они получили за свою деятельность Нобелевскую премию мира.

В целом в опыте зарубежных стран есть немало примеров того, как профессиональные группы, прежде всего врачи [Beckett, Hoffman, 2005; Keefe, Lane, Swarts, 2006; Morse 2019] и юристы [Kawar, 2011; Boucher, 2013; Arrington, 2014], организуют коллективные действия для осуществления тех или иных значимых социальных изменений [Яковлев, Казун, Ситкевич, 2016], от помощи отдельным категориям граждан [Vicari, Cappai, 2016] до отстаивания основных прав и свобод всего населения [Gould, 2006; Ahmed, Stephan, 2010]. Поскольку профессионалы обладают специфическими ресурсами — знаниями, компетенциями [Freidson, 1988], а также контролируют (а в некоторых случаях полностью монополизируют) определенные сферы деятельности [Abbott, 1988], их участие в общественных акциях может привести к более серьезным социальным и политическим последствиям, чем мобилизация обычных граждан. Рассмотрим в следующем разделе наиболее характерные примеры общественно-политической мобилизации различных профессиональных групп в России.

Для данного исследования важен и другой аспект теории Норта и его соавторов: вопрос о распределении между различными элитными группами ренты в целях сохранения порядка. Масштабы России делают задачу ручного управления из единого центра трудновыполнимой, что ещё более остро ставит вопрос о делегировании права на применение насилия. Чтобы поддерживать порядок, федеральная власть традиционно отдавала элитам «среднего уровня» определенную степень автономии в обмен на лояльность [Marques, Nazrullaeva, Yakovlev, 2016; Sharafutdinova, Turovsky, 2017]. Автономия предполагала в том числе возможность использования правоохранительной и судебной системы в своих интересах, что, в частности, проявлялось в проблеме рейдерства [Rochlitz, 2014; Казун, 2020]

Однако применение насилия или использование правоохранительной и судебной системы в интересах тех или иных элитных групп имеет свои границы. Оно не должно ставить под угрозу легитимность власти в глазах населения. Именно по этой причине привлечение внимания СМИ и общественный резонанс по делу вполне могут выступать

в России в качестве инструмента защиты от произвола, что, в частности, демонстрируется в исследованиях о коллективных действиях предпринимателей [Marques, Levina, Yakovlev, 2020]. Опыт общественных акций 2019 г. показал, что коллективные действия могут быть инструментом защиты не только предпринимателей, но и различных профессиональных групп.

Коллективные действия профессионалов в России

В целом профессиональные сообщества в России долгое время оставались малоактивными. В общественных акциях принимали участие отдельные видные представители профессии, но не профессионалы как единая социальная группа. Однако в последние годы возникали громкие случаи нарушения прав представителей отдельных профессий, связанные непосредственно с осуществлением их основной профессиональной деятельности, что создавало опасные прецеденты для профессионального сообщества и побуждало его к активным действиям. В табл. 1 мы суммировали наиболее резонансные и значимые случаи мобилизации профессиональных групп для защиты своих представителей.

Хотя доля безработных в уголовных делах весьма велика (о роли статуса обвиняемого см. [Волков, 2014]), обычно человек, обвиняемый в уголовном преступлении, имеет определённую профессиональную принадлежность. Но для мобилизации коллег в его защиту должны быть выполнены одно или несколько из следующих условий.

Во-первых, в большинстве упомянутых выше случаев уголовное преследование было непосредственно связано с осуществлением профессиональной деятельности. Так, в защиту Ивана Голунова активно включились журналисты с очень разными политическими взглядами, потому что для всех дело создавало опасный прецедент по незаконному преследованию журналиста за добросовестную профессиональную деятельность. Годом ранее дело гематолога Ирины Мисюриной, обвиненной во врачебной ошибке, повлекшей смерть пациента (сам случай произошел ещё в 2013 г.), также создавало опасный прецедент для врачей. Адвокат Михаил Беньяш был задержан в Краснодаре во время митинга, где присутствовал в качестве адвоката, осуществляющего правовую помощь для участников акции и обвинен при этом в применении насилия к полицейскому. Это также был опасный прецедент для адвокатского сообщества, которое оказалось способно мобилизовать на защиту Беньяша активных представителей своей профессии. Наконец, более локальное дело об административном аресте рэпера Хаски тоже привело к массовой поддержке со стороны музыкантов, которые хотели обозначить свое несогласие с набирающими обороты практиками цензуры в творческой сфере. К этой же категории относится и дело режиссёра Кирилла Серебренникова, в ходе которого обнажились сильные несоответствия между нормами права и неформальными практиками, необходимыми для успешной организации театральных постановок. Громкое дело об аресте предпринимателя Майкла Калви, обвиняемого в мошенничестве, стало далеко не первым в России случаем давления на предпринимателя через уголовное преследование [Yakovlev, Sobolev, Kazun, 2014; Kazun, 2015]. Но оно стало одним из немногих дел против иностранцев, что оказалось сильным негативным сигналом для зарубежных инвесторов. Из перечня кейсов, задевающих профессионалов, хорошо видно, насколько сильно они отличаются между собой и по содержанию, и по последствиям. По этой причине важно указать и на другие факторы мобилизации.

Во-вторых, некоторые из перечисленных дел не связаны с профессиональной деятельностью, но вызваны явным и неприкрытым характером нарушений прав подсудимых. Так, 3 августа 2019 г. во время несогласованной акции протеста был задержан начинающий актёр Павел Устинов. Его обвинили в том, что во время задержания он оказал сопротив-

Таблица 1^а

Случаи уголовного давления на представителей профессиональных групп в России в 2017–2019 гг., за которыми последовали коллективные действия профессионалов

Кейс	Время	Профессиональная группа	Характер обвинений	Описание результата
Дело журналиста Ивана Голунова ^б	Июнь 2019 г.	Журналисты	Обвинение в хранении наркотиков	[Успешно] Уголовное дело прекращено
Дело актера Павла Устинова ^в	Август–Сентябрь 2019 г.	Актеры и деятели искусства	Обвинение в применении насилия к полицейскому во время задержания	[Условно успешно] Приговор заменен на условный
Дело Алексея Миняйло ^г	Июль–Сентябрь 2019 г.	Священники и актеры	Обвинение в участии в «массовых беспорядках»	[Успешно] Судебное дело прекращено
Дело предпринимателя Майкла Калви ^д	Февраль 2019 г. — н.в.	Предприниматели	Обвинение в мошенничестве	[Ограниченный результат] После 2 месяцев в СИЗО в апреле 2019 г. отпущен под домашний арест, по состоянию на июль 2020 г. остается под арестом.
Дело адвоката Михаила Беньяша ^е	Сентябрь 2018 – октябрь 2019 г.	Адвокаты	Обвинение в применении насилия к полицейскому во время задержания	[Условно успешно] Суд назначил штраф в 30 тыс. рублей
Дело врача Ирины Мисюриной ^ж	2015 — апрель 2018 г.	Врачи	2 года лишения свободы за оказание услуг, повлекшее за собой смерть человека	[Успешно] Отмена приговора
Дело рэпера Хаски ^з	Ноябрь 2018 г.	Музыканты	Административный арест, сорванные концерты	[Успешно] Отмена административного ареста
Дело режиссера Кирилла Серебренникова ^и (дело Седьмой Студии)	2017 — июнь 2020 г.	Актеры и деятели искусства	Обвинение в мошенничестве	[Ограниченный результат] В июне 2020 г. вынесен приговор: условные сроки для обвиняемых и требование вернуть 129 млн руб. в бюджет

^а Первое описание спектра кейсов коллективных действий см. в публикации: Яковлев А., Казун А. От чего зависит эффект протестов по «громким» делам. // РБК. Газета № 161 (3116) (1610). <https://www.rbc.ru/news/raper/2019/10/16/5da58aa79a7947a5c8bba66d>.

¹ См. подборку материалов на сайте Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/theme/3212>.

² Актеру Устинову заменили приговор и дали год условно. // РБК. 2019. 30 сент. <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2019/5d9189bb9a79477a5872ed99>.

³ Суд освободил Алексея Миняйло. Его дело закрыто // Русская служба ВВС. 2019. 26 сент. <https://www.bbc.com/russian/news-49833271>.

⁴ Титов попросит Следственный комитет выпустить Калви из-под ареста // РБК. 2019. 8 апреля. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cab50489a7947d6b857805b#ws>; Суд отказался отпустить Майкла Калви из-под домашнего ареста // РБК. 23 июня 2020. <https://www.rbc.ru/finances/23/06/2020/5ef1d8c19a7947309151f38e>.

⁵ Адвоката Беньяша признали виновным в применении насилия к полицейским // РБК. 2019. 11 окт. <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/11/10/2019/5da06d8c9a7947ac4fdef5d7>.

⁶ Врач Мисюрина впервые после приговора прокомментировала свое дело // РБК. 2018. 30 янв. <https://www.rbc.ru/society/30/01/2018/5a70763d9a79473c86740c0d>; Дело врача: почему оправдали Мисюрину. Газета.ру. 16 апреля 2018. <https://www.gazeta.ru/social/2018/04/16/11719159.shtml>.

⁷ Зотова Н. «Просто накопилось». Как прошел концерт в поддержку рэпера Хаски // Русская служба ВВС. 27 ноября 2018. <https://www.bbc.com/russian/features-46353275>.

⁸ См. подборку материалов на сайте газеты Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/theme/2094>.

Источник: составлено авторами исследования на основе анализа СМИ.

ление и вывихнул плечо омоновцу. При этом в сети было доступно видео, показывающее, что Павел просто стоял около метро, не участвовал в протесте, а также не оказывал сопротивления при задержании. 16 сентября 2019 г. Тверской суд Москвы приговорил Павла Устинова к 3,5 годам колонии общего режима. А уже 18 сентября более сотни человек приняли участие в одиночных пикетах возле администрации Президента в его поддержку. В поддержку Устинова выступили и известные актеры⁵. Дело получило общественный резонанс, сходный с делом Голунова. 30 сентября суд изменил приговор на условный⁶. Это дело никак не затрагивало возможности актеров по ведению своей профессиональной деятельности, однако необоснованный характер обвинений побудил их проявить «цеховую солидарность». Параллельно с историей Павла Устинова разворачивалось обсуждение дела Алексея Миняйло, задержанного 27 июля и обвинённого в участии в «массовых беспорядках». За него, а также за других фигурантов «Московского дела» поручились известные актёры⁷, а также священники и представители других профессиональных групп⁸. 26 сентября суд отпустил Миняйло из-под ареста, затем его дело было прекращено.

Различие между первой и второй группой дел демонстрирует возможную логику качественной трансформации коллективных действий: от защиты собственных «цеховых» интересов к защите основных прав и свобод представителя своей профессии. С учётом небольшого числа подобных прецедентов можно сделать вывод, что такой качественной трансформации пока не произошло. Одновременно с этим анализ описанных выше кейсов позволяет поставить вопрос о роли различных профессиональных групп в общественной мобилизации, а именно: какие из них могут повлиять на отношение граждан к массовым акциям и чем объясняется их влияние?

По всей видимости важным фактором является доступ профессиональной группы к каналам коммуникации с обществом — прямой (как у журналистов) либо опосредованный через узнаваемость и известность (как у актёров, музыкантов и деятелей искусства). Другой возможный фактор — прямой и регулярный контакт членов профессии с гражданами. К этой группе относятся врачи и священники. Вместе с тем, есть группы, которые не имеют ни того, ни другого ресурса — например, адвокаты и предприниматели. Но важно отметить, у этих сообществ есть другое преимущество: большие и влиятельные организации — такие, как Федеральная палата адвокатов [Казун, Яковлев, 2014] или бизнес-ассоциации [Яковлев, Зудин, Голикова, Говорун, Астафьева, Гарифуллина, 2010]. Однако, как мы знаем из зарубежного опыта (в частности, на примере юридического сообщества в Тунисе [Gobe, Salaymeh, 2016]), потенциал коллективных действий у таких объединений раскрывается лишь тогда, когда они действуют не только в интересах своих членов, но предлагают широкую общественную повестку, чего российские адвокаты пока не сделали (см. [Kazun, Yakovlev, 2019]).

Очевидно, что влияние выделенных выше факторов может проявляться по-разному, и не всегда механизм такого влияния будет очевиден для внешнего наблюдателя, не погруженного в деятельность соответствующих профессиональных сообществ. Тем не менее можно предположить, что общим результатом действия этих факторов будет больший или меньший уровень доверия к разным профессиональным группам со стороны обычных граждан. И именно общественное доверие к представителям конкретных профессий способно объяснять эффективность профессиональной мобилизации.

⁵ <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/09/18/5d810a419a7947623b5d9a6c>

⁶ <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2019/5d9189bb9a79477a5872ed99>.

⁷ <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d8cb4379a7947606e954906>.

⁸ <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/09/30/5d8dd2ca9a79475e9a4e6856>.

Методология исследования

Для оценки значимости факторов, которые могли влиять на эффективность профессиональной мобилизации, использовались результаты специального опроса, проведенного в рамках ежемесячного «омнибуса» Левада-Центра. Объем выборки обследования составлял 1602 респондента. Выборка была репрезентативна для населения России в возрасте от 18 лет и старше. Исследование проводилось в 137 точках опроса, в том числе в 97 городских населенных пунктах и 40 сельских районах⁹. Опрос проходил в формате очного интервью, точность результатов проверялась с помощью независимого телефонного контроля.

Анкета включала две составляющие: стандартную опросную часть и экспериментальную часть (см. формулировки вопросов и распределение полученных ответов в группировках по полу, возрасту и образованию в Приложении). В первой части мы спрашивали о том, был ли у респондента опыт участия в каких-либо общественных акциях на уровне города или села, направленных на решение местных проблем, а также о том, какого рода инициативы в целом он был бы готов лично поддерживать. Кроме того, респондентов просили выбрать из списка те профессиональные группы, которым они в целом доверяют. В силу ограниченного размера выборки мы не могли выделить много экспериментальных групп для оценки эффектов по всем интересующим нас профессиям. Но вопрос о доверии к профессиональным группам дал нам возможность предположить, какой эффект могло бы иметь упоминание той или иной профессии при условии, что она получает сходный уровень доверия.

Методология опросных экспериментов построена на том, что формулировка вопроса может оказывать влияние на ответы респондента [Мягков, Журавлева, 2010]. В таких исследованиях выборка делится на две и более групп, контрольной группе предлагается обычная формулировка вопроса, в то время как экспериментальным группам вопрос предлагается в измененной версии. Например, в начале 2000-х гг. ссылка на В.В. Жириновского в вопросе о необходимости вмешательства России в конфликт Ирака и США сильно снижала степень согласия с этим решением [Мягков, 2001]. Т. Фрай показал, что оценки менеджерами российских фирм вероятности пересмотра результатов приватизации значимо зависели от того, как характеризовался вклад новых собственников в развитие предприятия [Frye, 2006]. Упоминание В.В. Путина в вопросе о том, как изменился инвестиционный климат, оказывало влияние на оценки респондентов, причём различное для предприятий разных размеров [Яковлев, Левина, Казун, 2015].

Экспериментальная часть была отделена от первой части другими вопросами «Омнибуса», чтобы ответы респондентов на вопросы о доверии к различным профессиональным группам не влияли на результаты эксперимента. В рамках экспериментальной части опроса выборка случайным образом делилась на четыре равные группы. Респондентам из контрольной группы предлагалось следующее описание ситуации: «В последние полтора года в различных регионах России проходили массовые общественные акции за соблюдение прав граждан». Затем их просили по семибалльной шкале оценить свое отношение к подобным акциям и готовность в будущем лично принимать участие в подобных акциях. В экспериментальных группах в преамбулу добавляли фразы «В ряде таких акций активно участвовали... группы врачей // ... группы актёров и деятелей искусства // ... группы священников Русской православной церкви». Далее проводилось сравнение ответов респондентов из экспериментальных групп с ответами, полученными в контрольной группе. Это позволяло увидеть, в какой мере упоминание об участии конкретной профессиональной группы в протестах влияет на отношение респондентов к протестам и их собственную готовность участвовать в них.

⁹ Подробнее о методологии этого опроса можно почитать на официальном сайте Левада-Центра. <https://www.levada.ru/zakazchikam/omnibus>.

Мы выбрали для опросного эксперимента профессии врачей и священников, поскольку они, как было сказано выше, имеют частые и регулярные контакты с населением. При этом, если группа священников имеет контакты со специфической частью населения (верующими прихожанами), то врачи в целом контактируют со всем населением (с вероятным смещением в пользу женщин с детьми и пожилых людей, так как возраст значимо связан с использованием медицинскими услугами). Группа же актёров и деятелей искусства не имеет прямых контактов с населением, но обладает возможностью конвертировать свою узнаваемость и известность в общественное внимание.

Результаты исследования

Ниже представлены результаты нашего исследования в следующей логике. Сначала мы опишем отношение граждан к общественным акциям в целом, затем представим результаты эксперимента о влиянии упоминания разных профессиональных групп на отношение граждан к акциям.

Отношение к общественным акциям за защиту прав граждан

В контрольной группе 25% респондентов сказали об абсолютной поддержке (7 из 7 баллов) общественных акций за соблюдение прав граждан, ещё 22% выбрали 5–6 баллов из 7. Абсолютно не поддерживают общественные акции 21% респондентов, ещё 14% выбрали 2–3 балла из 7. Нейтральный вариант (4 из 7) назвали 18%. В целом такой уровень одобрения протестов можно считать весьма высоким.

Мужчины поддерживали общественные акции в защиту прав человека несколько сильнее, чем женщины (Приложение, табл. 4). Молодые люди (18–35 лет) были более склонны выбирать нейтральные варианты ответа (40% выбрали 4 или 5 баллов), в то время как старшее поколение (56 и более лет) выбирало более полярные варианты: 25% абсолютно не поддерживают акции в защиту прав человека (1 из 7 баллов), а 27% абсолютно их поддерживают (7 из 7). Жители малых городов (население менее 100 тыс. человек) сильнее выступают в поддержку общественных акций, чем жители средних и крупных городов.

Однако одобрение общественных акций не означает готовность в них участвовать. Однозначно готов участвовать в таких акциях каждый десятый житель России, ещё 14% выбрали 5–6 баллов из 7. При этом почти половина респондентов (47%) однозначно не готовы сами участвовать в акциях (1 балл из 7). Однако даже тот факт, что чуть менее четверти населения страны потенциально готовы принимать участие в общественных акциях, с учетом масштаба страны, говорит о высоком потенциале для протестной мобилизации.

Результаты эксперимента

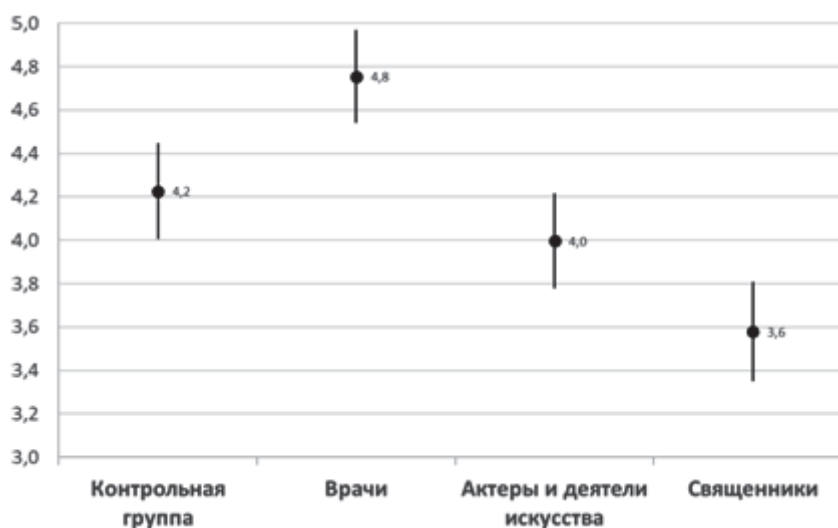
Проведенный опросный эксперимент показал, что упоминание врачей повышает поддержку общественных акций: если в контрольной группе о такой поддержке (от 5 до 7 баллов из 7) заявили 47% респондентов, то в экспериментальной группе с упоминанием врачей — уже 59%. Наиболее сильный эффект упоминание врачей имеет среди женщин: если в контрольной группе женщины в среднем слабее, чем мужчины, поддерживали акции в защиту прав человека (4,12 против 4,33), то в группе, где в вопросе о публичных акциях были упомянуты врачи, их уровень поддержки резко возрос и даже превысил поддержку в группе мужчин (4,89 против 4,59).

Упоминание актёров и деятелей искусства, напротив, приводит к легкому снижению доли позитивных ответов (до 41%), а упоминание священников РПЦ — к заметному снижению до 35%. Сравнение средних (рис. 1) показывает, что позитивный эффект упоминания врачей и негативный эффект упоминания священников являются статистически значимыми.

Однако для второго вопроса о готовности лично принимать участие в общественных акциях (рис. 2) эффект от упоминания различных профессиональных групп оказался слабым и статистически не значимым, хотя и имеющим то же направление (рост доли заявивших о готовности (5–7 баллов) с 23,7 до 25,1% для врачей и снижение для священников до 17,2%).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что упоминание профессиональных сообществ влияет на отношение граждан к общественным акциям, но не на личную готовность принять участие в них. Впрочем, позитивное отношение к общественным акциям может быть необходимым промежуточным шагом для формирования личной готовности участвовать в подобной деятельности, для которой требуется время и сочетание с другими важными факторами.

Примечание: здесь и далее черной точкой обозначен средний уровень поддержки общественных акций в контрольной и экспериментальной группах, черной линией обозначен доверительный интервал (на 95% уровне значимости) для средней оценки (если доверительные интервалы в двух группах не накладываются друг на друга, то различия статистически значимы).

Рис. 1. Средний уровень поддержки общественных акций в защиту прав человека (с доверительными интервалами) в контрольной и трех экспериментальных группах

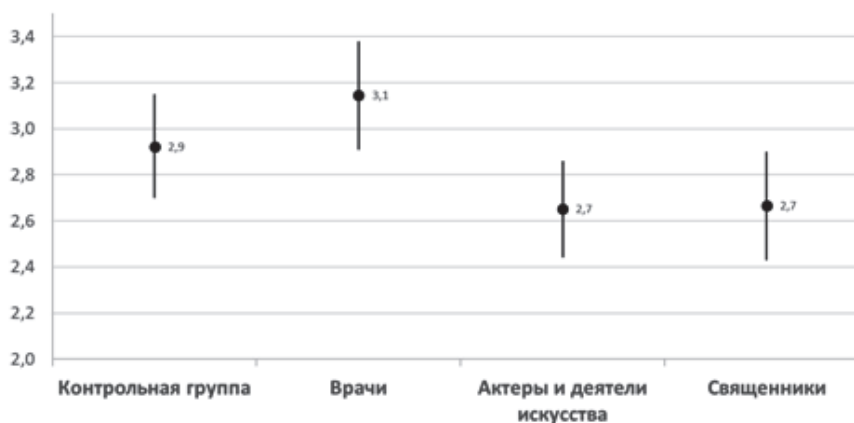

Рис. 2. Средний уровень готовности лично принимать участие в общественных акциях в защиту прав человека (с доверительными интервалами) в контрольной и трех экспериментальных группах

Таким образом, можно сделать вывод о том, что упоминание профессиональных сообществ влияет на отношение граждан к общественным акциям, но не на личную готовность принять участие в них. Впрочем, позитивное отношение к общественным акциям может быть необходимым промежуточным шагом для формирования личной готовности участвовать в подобной деятельности, для которой требуется время и сочетание с другими важными факторами.

Какое значение имеет личный опыт участия в коллективных действиях?

Для понимания и интерпретации результатов эксперимента важное значение имеет отношение респондентов к различным инициативам и опыт участия в них. Из табл. 2 Приложения видно, что 71% респондентов за два года не имели опыта участия в коллективных действиях с соседями или коллегами на уровне района или города, 13% участвовали в чем-то подобном лишь однажды и 16% сказали, что за последние два года несколько раз участвовали в подобных инициативах.

В другом вопросе (Приложение, табл. 3) мы попросили выбрать до трёх инициатив (из предложенных восьми), в которых респонденты сами были бы готовы принять участие. Чуть менее трети респондентов (31%) указали на то, что не готовы участвовать ни в чем. Поскольку предлагалось выбрать из данных инициатив не более трех вариантов, можно увидеть определенные приоритеты. Помимо единственной находящей поддержку позитивной инициативы на локальном уровне (субботники — 36%) активную часть жителей России волнуют скорее общероссийские вопросы, связанные с «негативными» стимулами: пенсионная реформа — 21%, экология — 18, права человека — 16%. Остальные инициативы получают существенно меньше поддержки. При этом обозначенные выше вопросы по-разному затрагивают разные социально-демографические группы. Пенсионная реформа волнует людей среднего возраста, экологические инициативы находят более высокую поддержку у женщин, права человека больше волнуют молодых людей. Кроме того, для крупных городов (500 тыс. населения и более), в которых реально проходили протестные акции, уровень поддержки всех перечисленных общественных инициатив оказался ниже, чем в средних и малых городах.

При этом личный опыт участия респондентов в общественных инициативах на уровне района или города значимо связан с готовностью участвовать в каких-либо иных инициативах. Например, в общественной акции против проведения пенсионной реформы готовы принять участие примерно треть из тех, кто в предшествующие два года имел опыт совместных действий, и лишь каждый шестой в группе без такого опыта. Участвовать в акциях, направленных на защиту прав человека, готовы примерно четвертая часть тех, кто ранее участвовал в чем-либо, против 14% в группе, которая ранее ни в чем не участвовала.

Отметим, что в целом люди склонны переоценивать свою готовность принимать участие в общественных акциях, потому реальные показатели общественной активности могут быть несколько меньше. Однако на результаты эксперимента данное обстоятельство влиять не должно, поскольку изначальная склонность к преувеличению своего участия в коллективных действиях должна быть одинакова в контрольной и экспериментальной группах.

Роль доверия к различным профессиональным сообществам

Дополнительное объяснение полученных результатов может дать вопрос о доверии жителей России к различным профессиональным сообществам. Как показано на рис. 3, почти половина респондентов не доверяет никому или затрудняется сказать, кому доверяет (47% в сумме). Наибольшим доверием пользуются учителя (25%) и врачи (24%), а священники находятся на третьем месте (14%). О доверии остальным профессиональным группам говорят от 3 до 7% респондентов. Хотя группа врачей и оказалась в лидерах (24%), всё равно этот показатель нельзя назвать высоким, что однозначно снижает потенциал для протестной мобилизации. Иными словами, если доверие к врачам в обществе повысится, то найденные в нашем исследовании эффекты станут более заметными.

Более детальный анализ показывает, что именно уровень доверия к профессиональной группе может объяснить эффект, который её участие в общественной акции оказывает на уровень поддержки этой акции населением (впрочем, точно о причинно-следственной связи мы судить здесь не можем). При разделении выборки на более дробные подгруппы позитивный эффект от упоминания врачей остается значим только для группы, доверяющей врачам. Негативный эффект упоминания священников сохраняется только в той подгруппе, которая не упомянула о доверии к священникам (рис. 4). Для группы, доверяющей священникам, их упоминание в вопросе, напротив, связано с более позитивным отношением к общественным акциям, но данный эффект статистически не значим в силу малого размера этой группы.

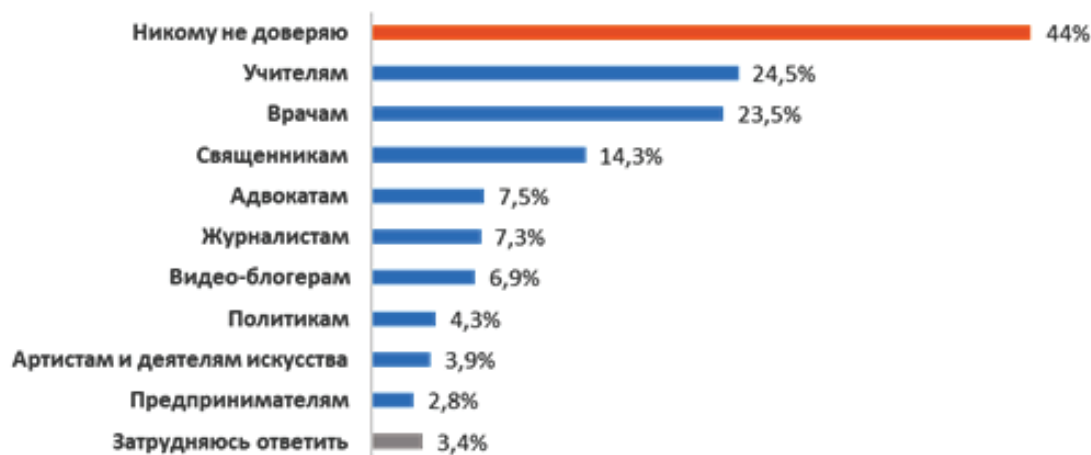

Рис. 3. Уровень доверия населения России к различным профессиональным группам (респонденты могли выбирать любое количество вариантов ответа)

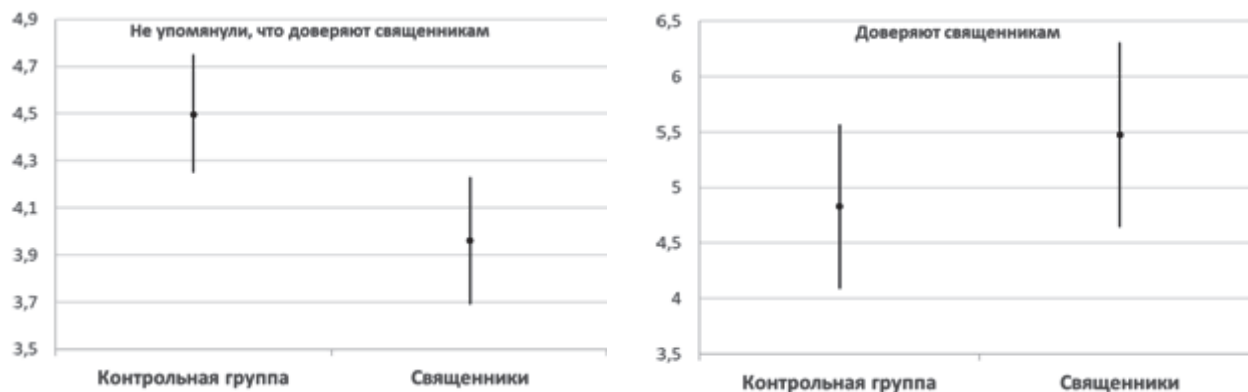

Рис. 4. Средний уровень поддержки общественных акций в защиту прав человека (с доверительными интервалами) в контрольной группе и группе с упоминанием священников с разделением на две подвыборки с разным уровнем доверия

Результаты эксперимента для вопроса с упоминанием священников очень хорошо иллюстрируют то, что потенциал той или иной профессиональной группы по общественной мобилизации опосредован уровнем доверия к ней граждан. Мы видим, что в целом священники пользуются немалым доверием в обществе на фоне многих других профессий (рис. 2), проигрывая только врачам и учителям. Однако при этом немалая часть общества относится к священникам без доверия — из-за этого на общей выборке эффект от их упоминания оказывается негативным. Этот эффект не работает для той части населения, которая священникам доверяет, более того, если бы эта группа была лучше представлена в нашей выборке, эффект мог бы быть значимо положительным.

Какова роль профессиональных сообществ в социальных протестах

В 2019 г. новым явлением социально-политической жизни стали публичные выступления, организованные при активном участии целого ряда профессиональных групп — предприниматели (через РСПП) в деле Калви и его партнеров, журналисты в деле Голунова, адвокаты в деле Беняша, актеры в деле Устинова, священники в делах по протестам против выборов в Мосгордуму. Большинство этих акций проходили в Москве, при этом соответствующие профессиональные группы, как правило, имели доступ к медиа-ресурсам. Все это говорит о возросшей готовности профессиональных групп к «мобилизации» в защиту своих членов. Вместе с тем результаты этих протестных акций были весьма различны. Это дало нам основание предположить, что реакция власти на такие публичные коллективные действия может зависеть от степени влияния и поддержки соответствующих профессиональных групп в обществе.

Проведённый опросный эксперимент показал, что вопреки возможным ожиданиям упоминание в формулировке вопроса артистов и деятелей искусства (а их ведущие представители имеют широкую личную известность) не вызывало роста поддержки публичных акций. Упоминание же священников даже приводило к снижению такой поддержки (правда, лишь среди тех, кто не указал священников в качестве группы, которой он доверяет). Напротив, упоминание об участии в таких акциях врачей приводило к существенному повышению их поддержки. Этот эффект может объясняться заметными различиями в уровне доверия, которым пользуются данные профессиональные группы. В частности, если артистам и деятелям искусства доверяет всего 4% респондентов, то для врачей этот показатель составляет 24% (или почти половину от тех, кто доверяет кому-либо вообще). Другой профессиональной группой, пользующейся достаточно высоким доверием, являются учителя. И они могут иметь большой нераскрытый потенциал для привлечения внимания к важным для них общественным вопросам.

В этой связи стоит обратить внимание на то, что в 2018–2019 гг. врачи неоднократно участвовали в коллективных действиях (защита гематолога Елены Мисюриной, выступления против увольнений из онкоцентра имени Николая Блохина и др.), но эти акции в основном касались защиты самих врачей и не были связаны с какой-либо политической повесткой. Вместе с тем, в обществе ещё до коронавируса сложился заметный запрос на темы, касающиеся состояния здравоохранения и лежащие на пересечении с профессиональными интересами медиков. Один из наглядных примеров — фильм Юрия Дудя об эпидемии ВИЧ в России¹⁰, который вызвал широкий общественный резонанс, включая многократный рост числа поисковых запросов в интернет по этой теме и значимый рост числа желающих сдать анализ на ВИЧ¹¹.

Пандемия коронавируса, безусловно, поставила профессию врача на первое место по общественной значимости, а население на личном опыте могло столкнуться с острыми проблемами российского здравоохранения, которых было немало и до того [Vertakova, Vlasova, 2014]. На этом фоне результаты нашего исследования позволяют предположить, что какие-либо новые коллективные действия медиков в защиту своих прав могут найти сочувствие и поддержку широких масс.

На период карантина, борьбы с пандемией коронавируса и ее последствиями повестка для общественных акций населения оказалась поставленной на паузу. Однако одновременно с этим кризис обнажил многие социально-экономические проблемы и уси-

¹⁰ ВИЧ в России / HIV in Russia. [<https://www.youtube.com/watch?v=GTRAEpIIGZo>]. На 27 августа ролик посмотрели 18,4 млн раз.

¹¹ Фильм Дудя спровоцировал рост спроса на тесты на ВИЧ. // Ведомости. 2020. 17 февр. <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/02/17/823253-film-dudya>

лил напряжение в обществе. Но если раньше проблемы медицинского сообщества были актуальны преимущественно для самих врачей, то сейчас проблемы здравоохранения обрели силу национального значения. Нельзя забывать и о том, что другие профессиональные группы, которые ранее участвовали в общественных акциях, в этот кризис столкнулись со своими проблемами. Предприниматели оказались в тяжелой финансовой ситуации, учителя были вынуждены перейти в онлайн-формат, священники столкнулись с нежеланием ряда приходов и храмов останавливать работу во время карантина, массовыми заболеваниями верующих, невозможностью проведения обрядов.

Можно ожидать, что с ослаблением карантинных мер общественные акции в защиту прав человека и акции по другим значимым для населения вопросам снова возникнут на повестке дня. Подтверждением сказанному могут служить столь разные факты, как выступления бывшего схиигумена Сергия (Романова) и его сторонников в Свердловской области против ограничений на проведение религиозных служб¹² или акции журналистов в поддержку бывшего специального корреспондента газеты «Коммерсантъ» Ивана Сафронова, арестованного по обвинению в государственной измене¹³.

Наше исследование говорит о том, что профессиональная мобилизация скорее всего станет важным фактором таких протестных акций. При этом будет возрастать роль профессиональных организаций и профессиональных элит, от действий которых будет зависеть смещение фокуса коллективных действий с защиты отдельных представителей своей профессии на общие требования обеспечения гражданских прав, а также конструктивный или деструктивный характер общественных акций. Всё это будет способствовать подвижкам внутри порядков ограниченного доступа и может стать одним из факторов, вынуждающих к их трансформации.

---

¹² Что происходит в «захваченном» скандальным схиигуменом Сергием монастыре. 18.06.2020. <https://ria.ru/20200618/1573089905.html>.

¹³ Журналиста Ивана Сафронова заподозрили в госизмене. 08.07.2020. <https://www.rbc.ru/society/08/07/2020/5f0446149a79476d62ce6a23>

Распределение ответов по основным вопросам, %

Таблица 1

Скажите, пожалуйста, каким из перечисленных профессиональных групп Вы в целом доверяете? (выбрать все подходящие варианты ответа)*

	Всего	Пол		Возраст			Образование			Размер населенного пункта (тыс. чел.)		
		муж.	жен.	18-35	36-55	56+	нач.	сред.	высш.	>500	100-500	<100
Никому не доверяю	44	45	44	44	43	46	41	44	47	43	45	44
Учителям	25	23	25	22	25	25	30	24	20	25	25	24
Врачам	24	22	25	21	24	25	27	22	21	30	22	20
Священникам	14	11	17	18	13	13	8	15	20	15	12	15
Видео-блогерам	7	9	5	6	8	7	13	6	3	6	10	6
Журналистам	7	9	6	6	8	7	5	8	9	8	6	7
Адвокатам	7	6	9	6	8	9	10	8	4	9	10	6
Политикам	4	4	5	3	5	4	4	4	5	5	4	4
Артистам и деятелям искусства	4	3	4	4	4	3	5	5	2	5	4	3
Предпринимателям	3	3	3	2	3	4	3	4	1	3	5	2
Затрудняюсь ответить	3	4	3	5	3	3	3	4	3	3	4	3

* Варианты ответа предлагались в случайном порядке.

Таблица 2

Скажите, пожалуйста, за последние два года был ли у Вас опыт участия совместно с соседями или коллегами в субботниках, сборе подписей под петициями, демонстрациях или других общественных акциях, направленных на решение проблем Вашего района и города/села?

	Всего	Пол		Возраст			Образование			Размер населенного пункта (тыс. чел.)		
		муж.	жен.	18-35	36-55	56+	нач.	сред.	высш.	>500	100-500	<100
Да, был единственный случай	13	11	14	8	12	18	13	14	11	16	12	11
Не было такого	71	76	68	75	73	65	71	69	74	71	73	71
	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Таблица 3

Скажите, пожалуйста, в каких из перечисленных инициатив Вы скорее всего приняли бы личное участие? [Выбрать не более 3 вариантов ответа]

Общественная акция...	Всего	Пол		Возраст			Образование			Размер населенного пункта (тыс. чел.)		
		муж.	жен.	18-35	36-55	56+	нач.	сред.	высш.	>500	100-500	<100
... в защиту прав человека в России	16	17	15	15	16	16	21	17	10	12	21	16
... против загрязнения окружающей среды со стороны предприятия в вашем районе	18	14	20	16	19	17	19	17	16	14	19	19
Благотворительная программа помощи пострадавшим от стихийного бедствия в другом регионе России	13	11	14	12	12	16	16	12	12	11	14	14
Субботник с соседями по уборке территории	36	34	38	38	33	39	33	38	38	31	41	38
... против проведения пенсионной реформы	21	20	21	18	22	21	19	24	19	17	21	23
инициатива о создании краевого музея или новой библиотеки в вашем районе	3	3	2	3	2	4	2	3	2	2	3	3
... в поддержку создания доступной среды для людей с ограниченными возможностями	8	7	9	8	8	9	12	7	6	7	12	7
Ни в чем из перечисленного	31	33	28	31	32	28	29	30	34	39	26	27

* Варианты ответа предлагались в случайном порядке.

Распределение ответов по экспериментальным вопросам**Таблица 4**

В последние полтора года в различных регионах России проходили массовые общественные акции за соблюдение прав граждан. Оцените Ваше отношение к подобным общественным акциям по шкале от 1 до 7 баллов, где 1 — абсолютно не поддерживаю, а 7 — абсолютно поддерживаю

Распределение ответов в контрольной группе												
	Всего	Пол		Возраст			Образование			Размер населенного пункта (тыс. чел.)		
		муж.	жен.	18–35	36–55	56+	нач.	сред.	высш.	>500	100–500	<100
1	21	19	24	18	21	25	18	22	22	22	20	21
2	5	6	5	5	5	7	4	5	6	5	6	5
3	9	10	8	8	8	11	13	10	3	8	14	8
4	18	19	17	21	16	15	21	17	15	18	19	17
5	15	13	17	19	16	10	12	14	20	17	19	13
6	7	6	8	7	6	7	4	6	11	10	5	6
7	25	28	22	22	28	27	27	26	23	21	19	31
Сумма	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Распределение средних оценок в контрольной и экспериментальной группах (баллов, 1–7)												
Контроль- ная группа	4,23	4,33	4,12	4,29	4,30	4,04	4,27	4,18	4,26	4,15	3,98	4,36
Упомянуты врачи	4,75	4,59	4,89	4,68	4,87	4,66	4,67	4,90	4,62	4,69	4,50	4,88
Упомянуты артисты и деятели искусства	4,00	4,05	3,96	4,21	3,90	3,92	3,77	4,03	4,12	4,07	4,11	3,89
Упомянуты священники	3,58	3,67	3,50	3,60	3,58	3,56	3,57	3,47	3,75	3,39	3,65	3,68

Таблица 5

Оцените Вашу готовность в будущем лично принимать участие в подобных акциях по шкале от 1 до 7 баллов, где 1 — однозначно не готов участвовать, а 7 — однозначно готов участвовать

Распределение ответов в контрольной группе												
	Всего	Пол		Возраст			Образование			Размер населенного пункта (тыс. чел.)		
		муж.	жен.	18–35	36–55	56+	нач.	сред.	высш.	>500	100–500	<100
1	47	41	53	34	55	55	43	54	41	50	54	44
2	10	7	12	15	7	7	10	8	13	10	13	9
3	9	12	7	9	8	10	11	4	15	12	8	7
4	10	11	10	12	9	9	12	12	6	8	14	10
5	11	14	8	15	13	4	13	8	13	11	4	14
6	3	3	3	3	2	4	3	5	1	3	0	4
7	10	12	7	12	7	11	8	10	11	7	8	13
Сумма	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Распределение средних оценок в контрольной и экспериментальной группах (баллов, 1–7)												
Контроль-ная группа	2,75	3,05	2,47	3,17	2,51	2,53	2,81	2,66	2,82	2,57	2,31	3,03
Упомянуты врачи	2,89	2,92	2,86	3,18	3,06	2,33	2,83	3,05	2,71	2,57	2,89	3,09
Упомянуты артисты и деятели искусства	2,51	2,72	2,35	3,00	2,45	2,18	2,22	2,57	2,65	2,32	2,85	2,50
Упомянуты священники	2,37	2,61	2,17	2,41	2,78	1,91	2,72	2,09	2,48	2,29	2,32	2,45

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев С.А. (2020). Взаимодействие элит и эволюция распределения рент в Бразилии // *Общественные науки и современность*. №. 2. С. 80–93.
- Волков В.В. (2014). Влияние социального статуса подсудимого на решение суда // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. XVII. № 4. С. 62–85.
- Казун А.П., Яковлев А.А. (2014). Российские адвокаты: становление профессионального сообщества в несовершенной институциональной среде // *Общественные науки и современность*. №. 6. С. 39–56.
- Казун А.П. (2020). Защита российских промышленных компаний от силового давления на бизнес: Эффективность судебного механизма // *Вопросы экономики*. № 3. С. 84–97.
- Мягков А.Ю., Журавлева С.Л. (2010). О достоверности ответов респондентов в телефонном интервью (Экспериментальное тестирование ряда приемов) // *Социологические исследования*. № 10. С. 81–93.
- Мягков А.Ю. (2001). Влияние известных политических имен в формулировке вопроса на результаты социологического исследования // *Социологические исследования*. № 3. С. 94–104.
- Яковлев А.А. (2020). Поиск институциональных решений через призму истории // *Общественные науки и современность*. №. 2. С. 57–63.

- Яковлев А.А., Зудин А.Ю., Голикова В.В., Говорун А.В., Астафьева Е.В., Гарифуллина Г.А. (2010). Бизнес-ассоциации в России: Внутренняя структура, эволюция отношений с государством, роль в модернизации экономики. М.: Московский общественный научный фонд.
- Яковлев А.А., Казун А.П., Ситкевич Д.А. (2016). Профессиональные организации как драйверы социальных изменений в развивающихся странах // Журнал институциональных исследований. Т. 8. № 3. С. 47–71.
- Яковлев А.А., Левина И.А., Казун А.Д. (2015). Для каких фирм улучшился деловой климат в 2012–2014 гг.? // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 35–60.
- Abbott A. (1988). *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago: University of Chicago Press.
- Ahmed Z.S., Stephan M. J. (2010). Fighting for the Rule of Law: Civil Resistance and the Lawyers' Movement in Pakistan // *Democratization*. Vol. 17. No. 3. Pp. 492–513.
- Arrington C. L. (2014). Leprosy, Legal Mobilization, and the Public Sphere in Japan and South Korea // *Law & Society Review*. Vol. 48. No. 3. Pp. 563–593.
- Beckett K., Hoffman B. (2005). Challenging Medicine: Law, Resistance, and the Cultural Politics of Childbirth // *Law & Society Review*. Vol. 39. No. 1. Pp. 125–170.
- Boutcher S. (2013). Lawyering for Social Change: Pro Bono Publico, Cause Lawyering, and the Social Movement Society // *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 18. No. 2. Pp. 179–196.
- Chenoweth E., Stephan M. J. (2011). *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.
- Freidson E. (1988). *Professional Powers: A Study of the Institutionalization of Formal Knowledge*. Chicago: University of Chicago Press.
- Frye T. (2006). Original Sin, Good Works, and Property Rights in Russia // *World Politics*. Vol. 58. No. 4. Pp. 479–504.
- Gobe E., Salaymeh L. (2016) Tunisia's 'Revolutionary' Lawyers: From Professional Autonomy to Political Mobilization // *Law & Social Inquiry*. Vol. 41. Issue 2. Pp. 311–345.
- Gould J. (2006). Strong Bar, Weak State? Lawyers, Liberalism and State Formation in Zambia // *Development and Change*. Vol. 37. No. 4. Pp. 921–941.
- Kawar L. (2011). Legal Mobilization on the Terrain of the State: Creating a Field of Immigrant Rights Lawyering in France and the United States // *Law & Social Inquiry*. Vol. 36. No. 2. Pp. 354–387.
- Kazun A. (2015). Violent Corporate Raiding in Russia: Preconditions and Protective Factors // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 23. No. 4. Pp. 459–484.
- Kazun A., Yakovlev A. (2019). Legal Mobilization in Russia: How Organizations of Lawyers Can Support Social Changes // *Crime, Law and Social Change*. Vol. 72. No. 3. Pp. 303–325.
- Keefe R. H., Lane S. D., Swarts H. J. (2006). From the Bottom Up: Tracing the Impact of Four Health-Based Social Movements on Health and Social Policies // *Journal of Health & Social Policy*, Vol. 21. No. 3. Pp. 55–69.
- Marques I., Levina I., Kazun A., Yakovlev A. (2020). Calling the Cavalry: Firm-Level Investment in the Face of Decentralized Expropriation // *Journal of Institutional Economics*. Cambridge University Press. Vol. 16. Issue 4. Pp. 503–518.
- Marques I., Nazrullaeva E., Yakovlev A. (2016). Substituting Distribution for Growth: The Political Logic of Intergovernmental Transfers in the Russian Federation // *Economics & Politics*. Vol. 28. No. 1. Pp. 23–54.
- Morse J. (2019). Legal Mobilization in Medicine: Nurses, Rape Kits, and the Emergence of Forensic Nursing in the United States since the 1970s // *Social Science & Medicine*. Vol. 222. Pp. 323–334.
- North D. C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge ; New York: Cambridge University Press.
- Reckendrees A. (2015). Weimar Germany: The First Open Access Order That Failed? // *Constitutional Political Economy*. Vol. 26. No. 1. Pp. 38–60.
- Rochlitz M. (2014). Corporate Raiding and the Role of the State in Russia // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. No. 2–3. Pp. 89–114.
- Sharafutdinova G., Turovsky R. (2017). The Politics of Federal Transfers in Putin's Russia: Regional Competition, Lobbying, and Federal Priorities // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 33. No. 2. Pp. 161–175.
- Vertakova J., Vlasova O. (2014). Problems and Trends of Russian Health Care Development // *Procedia Economics and Finance*, 21st International Economic Conference of Sibiu 2014, IECS 2014 Prospects of Economic Recovery in a Volatile International Context: Major Obstacles, Initiatives and Projects. Vol. 16. Pp. 34–39.
- Vicari S., Cappai F. (2016). Health Activism and the Logic of Connective Action. A Case Study of Rare Disease Patient Organisations // *Information, Communication & Society*, Vol. 19. No. 11. Pp. 1653–1671.
- Yakovlev A., Sobolev A., Kazun A. (2014). Means of Production versus Means of Coercion: Can Russian Business Limit the Violence of a Predatory State? // *Post-Soviet Affairs*, Vol. 30. No. 2–3. Pp. 171–194.

Казун Антон Павлович

akazun@hse.ru

Яковлев Андрей Александрович

ayakovlev@hse.ru

Anton Kazun

PhD in Sociology, Senior Research Fellow, International Center for the Study of Institutions and Development, National Research University Higher School of Economics, Moscow, akazun@hse.ru

Andrei Yakovlev

PhD in Economics, Tenured Professor, Director of the Institute for Industrial and Market Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, ayakovlev@hse.ru

INFLUENCE OF INVOLVEMENT OF PHYSICIANS, CLERGYMEN AND ACTORS ON PEOPLE'S ATTITUDE TO HUMAN RIGHTS CAMPAIGNS: RESULTS OF AN EXPERIMENT

Abstract. In 2019, Moscow and other major cities of Russia were swept by a wave of human rights campaigns which were characterized by active involvement of different professional groups: physicians, actors, clergymen, journalists, etc. In this study, we review several high-profile cases of collective action by professionals over the past 3 years. We try to find an answer to the question, how the involvement of professional groups in mass campaigns can influence ordinary citizens' attitude toward those campaigns. In pursuit of an answer to this question Levada-Center conducted an experiment in December 2019 as a part of its representative monthly survey of the adult population of Russia. The survey results show that the mention of doctors in the question improves citizens' attitude to a public campaign quite marginally as compared to the control group; the mention of priests, on the contrary, produces a strong negative impact; and the mention of actors and people of art has no effect. We connect these results with different levels of the population's trust in different professional groups: in particular, people trust doctors and teachers much more than representatives of other professions. The survey results also show a high overall social mobilization potential focused on negative agenda of federal significance. Building on North, Wallis and Weingast's theory of limited access orders, we suggest that professional communities may become key factor for the movement toward better institutions in Russia.

Keywords: *collective action, professionals, mobilization, human rights movement, limited access order.*

JEL: K38, K42, P26.

REFERENCES

- Abbott A. (1988). *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago: University of Chicago Press.
- Ahmed Z.S., M. J. Stephan M. J. (2010). Fighting for the Rule of Law: Civil Resistance and the Lawyers' Movement in Pakistan // *Democratization*. Vol. 17. No. 3. Pp. 492–513.
- Arrington C. L. (2014). Leprosy, Legal Mobilization, and the Public Sphere in Japan and South Korea // *Law & Society Review*. Vol. 48. No. 3. Pp. 563–593.
- Beckett K., Hoffman B. (2005). Challenging Medicine: Law, Resistance, and the Cultural Politics of Childbirth // *Law & Society Review*. Vol. 39. No. 1. Pp. 125–170.
- Boutcher S. (2013). Lawyering for Social Change: Pro Bono Publico, Cause Lawyering, and the Social Movement Society // *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 18. No. 2. Pp. 179–196.
- Chenoweth E., Stephan M. J. (2011). *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.
- Freidson E. (1988). *Professional Powers: A Study of the Institutionalization of Formal Knowledge*. Chicago: University of Chicago Press.
- Frye T. (2006). Original Sin, Good Works, and Property Rights in Russia // *World Politics*. Vol. 58. No. 4. Pp. 479–504.
- Gobe E., Salaymeh L. (2016) Tunisia's 'Revolutionary' Lawyers: From Professional Autonomy to Political Mobilization // *Law & Social Inquiry*. Vol. 41. Issue 2. Pp. 311–345.
- Gould J. (2006). Strong Bar, Weak State? Lawyers, Liberalism and State Formation in Zambia. *Development and Change*. Vol. 37. No. 4. Pp. 921–941.
- Kawar L. (2011). Legal Mobilization on the Terrain of the State: Creating a Field of Immigrant Rights Lawyering in France and the United States // *Law & Social Inquiry*. Vol. 36. No. 2. Pp. 354–387.
- Kazun A. (2015). Violent Corporate Raiding in Russia: Preconditions and Protective Factors // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 23. No. 4. Pp. 459–484.

- Kazun A.P. (2020). Zashchita rossijskikh promyshlennykh kompanij ot silovogo davleniya na biznes: Effektivnost' sudebnogo mekhanizma [Protecting Russian Industrial Companies from Violent Pressure on Business: Effectiveness of the Judicial Mechanis] // *Voprosy ekonomiki*. No. 3. Pp. 84–97.
- Kazun A., Yakovlev A. (2019). Legal Mobilization in Russia: How Organizations of Lawyers Can Support Social Changes // *Crime, Law and Social Change*. Vol. 72. No. 3. Pp. 303–325.
- Kazun A.P., Yakovlev A.A. (2014). Rossijskie advokaty: stanovlenie professional'nogo soobshchestva v nesovershennoj institucional'noj srede [Russian lawyers: formation of a professional community in an imperfect institutional environment] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 6. Pp. 39–56.
- Keefe R. H., S. D. Lane, Swarts H. J. (2006). From the Bottom Up: Tracing the Impact of Four Health-Based Social Movements on Health and Social Policies // *Journal of Health & Social Policy*. Vol. 21. No. 3. Pp. 55–69.
- Marques I., E. Nazrullaeva, Yakovlev A. (2016). Substituting Distribution for Growth: The Political Logic of Intergovernmental Transfers in the Russian Federation // *Economics & Politics*. Vol. 28. No. 1. Pp. 23–54.
- Marques I., Levina I., Kazun A., Yakovlev A. (2020). Calling the Cavalry: Firm-Level Investment in the Face of Decentralized Expropriation // *Journal of Institutional Economics*. Cambridge University Press. Vol. 16. Issue 4. Pp. 503–518.
- Morse J. (2019). Legal Mobilization in Medicine: Nurses, Rape Kits, and the Emergence of Forensic Nursing in the United States since the 1970s // *Social Science & Medicine*. Vol. 222. Pp. 323–334.
- Myagkov A.Y., Zhuravleva S.L. (2010). O dostovernosti otvetov respondentov v telefonnom interv'yu (Eksperimental'noe testirovanie ryada priemov) [On the reliability of respondents' answers in a telephone interview (Experimental testing of a number of techniques)] // *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 10. Pp. 81–93.
- Myagkov, A.Y. (2001). Vliyanie izvestnykh politicheskikh imen v formulirovke voprosa na rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya [The influence of well-known political names in the wording of the question on the results of sociological research] // *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 3. Pp. 94–104.
- North, D. C., J.J. Wallis, Weingast B. R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Reckendrees A. (2015). Weimar Germany: The First Open Access Order That Failed? // *Constitutional Political Economy*. Vol. 26. No. 1. Pp. 38–60.
- Rochlitz M. (2014). Corporate Raiding and the Role of the State in Russia // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. No. 2–3. Pp. 89–114.
- Sharafutdinova G., Turovsky R. (2017). The Politics of Federal Transfers in Putin's Russia: Regional Competition, Lobbying, and Federal Priorities // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 33, No. 2. Pp. 161–175.
- Vasil'ev S.A. (2020). Vzaimodejstvie elit i evolyuciya raspredeleniya rent v Brazii [Elite Interaction and the Evolution of Rent Distribution in Brazil] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 2. Pp. 80–93.
- Vertakova J., Vlasova O. (2014). Problems and Trends of Russian Health Care Development // *Procedia Economics and Finance*, 21st International Economic Conference of Sibiu 2014, IECS 2014 Prospects of Economic Recovery in a Volatile International Context: Major Obstacles, Initiatives and Projects. Vol. 16. Pp. 34–39.
- Vicari S., Cappai F. (2016). Health Activism and the Logic of Connective Action. A Case Study of Rare Disease Patient Organisations // *Information, Communication & Society*. Vol. 19. No. 11. Pp. 1653–1671.
- Volkov V.V. (2014). Vliyanie social'nogo statusa podsudimogo na reshenie suda [Influence of the social status of the defendant on the court decision] // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. Vol. XVII. No. 4. Pp. 62–85.
- Yakovlev A.A. (2020). Poisk institucional'nykh reshenij cherez prizmu istorii [Search for institutional solutions through the prism of history] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 2. Pp. 57–63.
- Yakovlev A.A., Kazun A.P. Sitkevich D.A. (2016). Professional'nye organizacii kak drajvery social'nykh izmenenij v razvivayushchihsyah stranah [Professional organizations as drivers of social change in developing countries] // *Zhurnal institucional'nykh issledovanij*. T. 8. No. 3. Pp. 47–71.
- Yakovlev A.A., Levina I.A., Kazun A.D. (2015). Dlya kakih firm uluchshilsya delovoj klimat v 2012–2014 Gg.? [For which firms has the business climate improved in 2012–2014?] // *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. No. 3. Pp. 35–60.
- Yakovlev A.A., Zudin A.Y., Golikova V.V., Govorun A.V., Astaf'eva E.V., Garifullina G.A. (2010). *Biznes-associacii v Rossii: Vnutrennyaya struktura, evolyuciya otnoshenij s gosudarstvom, rol' v modernizacii ekonomiki* [Business associations in Russia: Internal structure, evolution of relations with the state, role in economic modernization]. Moscow : Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond.
- Yakovlev A., Sobolev A., Kazun A. (2014). Means of Production versus Means of Coercion: Can Russian Business Limit the Violence of a Predatory State? // *Post-Soviet Affairs*, Vol. 30. No. 2–3, Pp. 171–194.